

УДК 159.9:343.83

МАРИЯМ РАВИЛЬЕВНА АРПЕНТЬЕВА,

Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского,
г. Калуга, Российская Федерация,
e-mail: mariam_rav@mail.ru

**ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ:
ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ И ЛАТЕНТНАЯ АГРЕССИЯ
СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

Реферат: осуществлен анализ проблем профилактики и коррекции психологии профессионального выгорания сотрудников правоохранительной системы, рассмотрены связи выгорания с латентной и открытой агрессией, выученной беспомощностью. Отмечается важность преодоления психологической беспомощности и повышения самоэффективности сотрудников правоохранительной системы. Делаются выводы о необходимости их обучения навыкам самоэффективности и работы с латентной агрессией.

Ключевые слова: психологическое выгорание, десакрализация, латентная агрессия, самоэффективность, выученная беспомощность.

MARIYAM RAVILYEVNA ARPENTYEVA,

Kaluga state university of K. E. Tsiolkovsky,
Kaluga, Russian Federation,
e-mail: mariam_rav@mail.ru

**PROFESSIONAL BURNING OUT:
DESACRALIZATION AND LATENT AGGRESSION
OF LAW-ENFORCEMENT EMPLOYEES**

Abstract: the problems of preventing and correcting the psychology of professional burning out of law-enforcement employees is analyzed, the relationship between the burning out and the latent and open aggression and learned helplessness is considered. The importance of overcoming psychological helplessness and increasing self-efficiency of law-enforcement employees is pointed out. The conclusions are drawn about the necessity of their training in the skills of self-efficiency and work with latent aggression.

Keywords: psychological burning out, desacralization, latent aggression, self-efficiency, learned helplessness.

В профилактике профессиональных деформаций и суицидов сотрудников правоохранительных органов важную роль играет работа с тенденциями, отражающими возникновение аутодеструктивных тенденций в их самом начале, в процессе обучения, а также на этапе переподготовки. Однако для работающих сотрудников правоохранительных органов весьма важно поддержание так называемого психологического здоровья, в частности, полноценного функционирования личности. Находясь в условиях постоянного взаимодействия с людьми, конфликтующими так или иначе с законом и (или) отказавшихся от самореализации в «пользу» аутодеструкции, они часто попадают в ситуации, правовое и нравственное содержание которых не только не совпадает, но и противоречит друг другу, в которых требуется оставаться человеком и выполнять профессиональные обязанности, еже-

дневно сталкиваясь с проявлениями государственного закрепленного и «незаконного» насилия, репрессий, иногда стирающих грань между пытками и «условиями содержания», противостоять негативным образам сотрудников полиции, суда и прокуратуры, службы исполнения наказаний. Сотрудники системы правосудия, стремящиеся сохранить здоровье и развиваться как личности, сталкиваются с необходимостью личностной «сверхадаптации». Варианты адаптации известны: от полной потери ощущения человеческого, его значимости, дистанцирования и отчуждения от подозреваемых и осужденных, сотрудников и самих себя, включая уровень суицидов, до активных попыток осознать в себе и других человеческое, увидеть его сквозь призму даже самых странных и вневременных событий. Сотрудники правоохранительных органов, в том числе уголовно-исполнительной системы, так же как и те, в отно-

шении кого они формулируют и исполняют постановления и приговоры, нуждаются в осмыслении высших, духовных ценностей своего и общечеловеческого бытия, в понимании того, что есть наказание и что есть исправление, где границы между насилием ограничивающим и насилием убивающим, как можно и как нельзя нарушать границы других людей, чтобы «случайно» не остаться без своих, каковы правила «безопасности» в общении с людьми, переживающими экзистенциальный кризис или полностью отказавшимися от самих себя, среди коллег и среди тех, кого призвана «перевоспитать» правоохранительная система. Нужно обладать твердым и ясным пониманием того, что есть современная карательно-репрессивная система правосудия и наказаний и как она меняется, каковы тенденции и привносимые ими в исполнение наказаний смыслы, в чем специфика восстановительных технологий и какое место из возможных сам человек готов занимать в этой системе.

Профессиональное выгорание сотрудников правоохранительной системы – сложный, многоуровневый и многокомпонентный феномен деформации личности, ее психологического здоровья в процессе выполнения задач профессиональной деятельности, связанный с повышенной стрессогенностью, травматичностью профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов, выступающих де-юре как защитники закона и справедливости, а де-факто – как защитники интересов государственного аппарата и связанных с ними олигархов и их корпораций. Рассогласование реальной и декларируемой цели деятельности, ежедневное столкновение с насилием и произволом репрессивно-контролирующей системы управления сообществом способствуют профессиональному выгоранию: более или менее полному отказу от исполнения профессиональных обязанностей и их подмене на замещающие и коррупционные действия, деструкции ценностных, в том числе духовно-нравственных, оснований профессиональной деятельности и жизни в целом. Решение проблем профилактики и коррекции профессиональных деформаций требует:

1) социальных реформ и трансформаций, в том числе принятия мер в сфере реформирования правоохранительной и правозащитной систем;

2) трансформаций отношений сотрудников правоохранительной системы к себе и миру, к своей профессиональной деятельности путем психологической подготовки и помощи сотрудникам в направлении освоения продуктивных способов профилактики и коррекции проявлений профессионального выгорания и иных деформаций.

Реформа системы правоохранения должна быть направлена на внедрение идей восстановительной

юстиции, помогающей наладить взаимодействие общества и государства, правозащитных и правоохранительных институтов и т. д. Этот вопрос во многом связан с тем, что в процессе обучения и переподготовки сотрудников правоохранительной системы, в их непосредственной работе одними из главных являются проблемы профессиональных деформаций, в том числе психологического или профессионального выгорания. В рамках восстановительного подхода к ювенальной (детской) и матуральной (взрослой) юстиции в последние десятилетия в мире и в России активно пропагандируется экзистенциально-гуманистическая модель отношений, которая обращает внимание на возможности самого человека, специалиста.

В рамках данного направления многочисленными исследователями, начиная с А. Маслоу и К. Роджерса, описаны особенности полноценно функционирующей, здоровой личности, а также типические виды защит от здоровья: комплекс Ионы (Jonah complex) и десакрализация [5]. Многие люди понимают, и это отмечают исследователи, что условие становления – мужество, выводящее человека из уютного и безопасного укрытия, в качестве которого может выступать СИЗО, тюрьма, колония, здание суда или прокуратуры, на просторы его бытия, через инициации к новым этапам жизни, на которых человек оказывается один на один с самим собой и со своим бытием. В бихевиоральной и аналитической модели развития личности профессионала в норме и патологии, в моделях профессионального (психологического) выгорания поведения много внимания уделяется феноменам агрессии, в том числе латентной или скрытой. Скрытая агрессия – наиболее распространенный вид поведения, при котором индивид, субъект или группа не способны или не готовы предъявить свою враждебность в открытой форме и используют замещающие и скрывающие ее типы поведения: осмеяние, игнорирование собеседника или навязывание ему своей «любви» и «помощи». Латентная агрессия – важный компонент аутоагрессии и суицида. Как писал К. Меннингер, нашу жизнь формируют те, кто нас любит, и те, кто отказывается любить нас [7]. Навязывание «хорошего» другим людям является одной из наиболее разрушительных форм взаимодействия, которое тем более деструктивно, чем в большей мере «пени-тенциарность» выступает как фикция. Множественность форм явного или скрытого противостояния обостряет ответные, дальнейшие попытки противостоять. Понятие «агрессия» означает «идти вперед» или «приближаться», причем это можно делать как с целью налаживания контакта, так и разжигания вражды. На данную особенность агрессии, ее противоречивость указывали многие

исследователи. Эти две противоположные во многом составляющие агрессии, положительная и отрицательная, могут переплетаться, и в этом случае агрессия становится весьма неоднозначным явлением: внешне может выступать как разрушение, а на деле являться стадией созидания. Человек, согласно З. Фрейду, стремится к разрушению: инстинкт смерти или разрушения – базовый инстинкт, наряду с любовью и созиданием. А. Фрейд развивала представление о том, что защитные механизмы имеют двойной источник, они представляют собой как проявление врожденных или онтогенетически ранних программ или формируются при жизни, поэтому могут делиться на незрелые и зрелые. К. Юнг обозначил концепцию архетипической агрессии или агрессивных архетипов: существования матриц, алгоритмов, задающих агрессивные, разрушительные способы поведения и общения, раскрывающие суть «необъяснимых», «внезапных» жестоких и отчужденных поступков [11, 15]. Активизации архетипов способствует разрушение единства психики, в том числе в результате травмы и т. д. Нестабильность психики поэтому проявляется периодически, ситуативно: в течение нормативных и ненормативных кризисов она связана с деформациями связей различных уровней и компонентов сознания, ослабляющими защиты и допускающими проникновение в сознание агрессивных архетипов коллективного (в том числе семейно-родового, этнокультурного и т. д.) бессознательного (подсознательные инстинктивные и сверхсознательные идеологические программы). В теории С. Грофа отмечается, что в процессе родов возникает гиперстрессовая ситуация: человек движется по родовым путям, встречая препятствия, испытывая неимоверный ужас от стеснения, при этом он не в состоянии осмыслить происходящее и бессилен [1, с. 58; 3]. Мощное отрицательное переживание «впечатывается» в психику, и в кризисные моменты жизни матрица «рождения» может активизироваться: «выход» связан с агрессией, часто непонятной, необузданной и даже разрушительной (разрыв с прошлым). В отдельных ситуациях агрессия выступает как естественная, нормальная, продуктивная часть бытия и развития, в том числе как компонент процессов индивидуализации, в некоторых – как неуместный и неадекватный протест против социально и психологически, физически и духовно больной, непонятной, травмирующей обстановки (в том числе другой агрессии, вражды, насилия). Она может быть проявлением скрытого отчаяния, вызванного непониманием и отсутствием любви, невозможностью изменить что-либо, представлением и переживанием собственной ненужности, может выступать частью комплекса переживаний, связанных с

деформацией отношений внутри и вне личности. Согласно концепции А. Адлера такая агрессия отражает волю к власти: человек пытается управлять миром, сделать его гарантированным и послушным, избавиться от чувства неполноценности и завоевать свое «место под солнцем». Агрессия может быть связана с деформациями взаимоотношений: деперсонализация, которая выступает основным содержанием кризиса личности, проявляется в большом спектре расстройств: от отчуждения от себя и собственных выборов, поступков и воли, от переживаний и представлений, от интимно-личностных и профессионально-деловых отношений до феноменов десоциализации с деструкциями нравственного, духовного развития, неспособности различать добро и зло, справедливость и подлость и т. д. При усилении деперсонализации может возникнуть процесс открытия себя, возрасти склонность к самонаблюдению, наблюдению мира, ощущать несоответствие между пониманием себя и мира личностью и ее окружением, что ведет к конфликтам и кризисам: от отрицания авторитетов до стремления к зависимости от них. Противоречия претензий, требований к жизни и себе, перфекционизм и гордыня, потребительство и ревность, реальное состояние мира и самого себя способны спровоцировать попытки более или менее сознательного отделения от общества, отчуждения и одиночества. Чувство разделенности собственного Я в экзистенциально-феноменологическом смысле, то есть ощущение потерянности в мире, отсутствие чувства собственной реальности, «самости» центральны в состоянии онтологической незащищенности. В этом состоянии человек теряет способность осознания себя как реальной и завершенной данности. Онтологически защищенная личность, несмотря на естественные конфликты, кризисы, противоречия, ощущает себя целостной и связанной с миром, с Богом. В состоянии онтологической незащищенности человек становится сам для себя нереальным, мало отграниченным от окружающего мира: вместо счастья и сорадования жизни человек подчас просто напрашивается на смерть [4, 6, 8]. Вместо стремления к удовлетворению и развитию он подчиняется стремлению сохранить себя – прошлого, а обстоятельства жизни – хорошие и плохие – воспринимаются как угрожающие существованию того, чего давно нет. Как писал Р. Ассаджиоли, коллективное бессознательное – окружающая среда, которая проникает в человека, как сквозь клеточную мембрану («психический осмос») [2]. Личность не всегда являет собой гармонично функционирующую целостность, часто присутствуют разные, противоположные тенденции, конфликты с собой и миром. Обычно они возникают, когда в процессе развития формирова-

ние или пробуждение новых стремлений входит в противоречие со старыми, привычными. Внутренние и внешние, рациональные и иррациональные конфликты – часть стремления к росту и самореализации. Особенно часто иррациональные конфликты возникают в связи с трансперсональными переживаниями. Иллюзия, что можно не страдать, видя страдания других, – одна из причин таких конфликтов, нередко доводящая человека до суицида.

Феномен выученной беспомощности (learned helplessness), *приобретённой или заученной психологической беспомощности*. Беспомощность – состояние, при котором животное, человек или группа людей или животных отказывается от попыток исправления травмирующего, причиняющего страдания, ограничивающего развитие и сокращающего жизнь и ресурсы состояния, в котором находится. Человек не пытается избежать негативных воздействий или получить позитивные, хотя имеет к этому все возможности [10, 12, 15]. Он привыкает к оскорблениям и насилию и т. д. как в отношении себя, так и в адрес окружающих людей. Так, многие опрошенные нами сотрудники ФСИН России, проходившие подготовку по специальности «Судебно-психологическая экспертиза», привычно рассматривают пытки и лишения заключенных как условия содержания. Это говорит об их неспособности оценить происходящее не только в стенах пенитенциарных учреждений, но и за их пределами: насилие и преступления против человеческого достоинства и жизни стали для них обычными. Они на уровне осознания не переживают дискомфорта и смирились с ситуацией. Однако в реальности лицемерие каждодневного и узаконенного насилия приводит человека (часто его семью, потомков) на грань тотального самоуничтожения (от десакультурации и социопатизации, утери эмпатии и оговоров других людей до самооговоров и физического самоубийства). Как показали эксперименты Дж. В. Брейди, Г. Харлоу, Ст. Милгрема и Ф. Зимбардо, Ю. М. Репина и В. Г. Старцева, незамечаемое убийство и наблюдение убийств других людей приводит к болезням и смерти незаметящего и наблюдающего (executive monkeys). Данное состояние появляется после ряда неудачных попыток воздействовать на негативные обстоятельства среды (или избежать их) и характеризуется пассивностью, отказом от действия, нежеланием менять враждебную среду или избегать ее, даже когда появляется такая возможность, потерей чувства свободы и контроля, неверием в возможность изменений и в собственные силы, подавленностью, депрессией и даже ускорением наступления смерти.

Впервые беспомощность (hilfslosigkeit) как феномен описал З. Фрейд, исследования выученной

беспомощности – М. Селигман и его школа, которые определили ее как нарушение способности преодоления имеющихся трудностей, отказ от каких-либо действий для их разрешения на основе опыта предшествующих неудач в сходных ситуациях. Ситуативная выученная беспомощность выступает как временная реакция на события, которые по каким-либо причинам воспринимаются человеком как неподконтрольные ему или как устойчивая характеристика субъекта, которая формируется в процессе развития под воздействием взаимоотношений с другими людьми. М. Селигман убежден, что синдром выученной беспомощности у человека окончательно формируется примерно к восьми годам и остается на всю жизнь. Он выражается в том, насколько человек верит в эффективность своих действий. Выученная беспомощность связана с трудностями постановки цели («ничего не хочу», «не знаю, что выбрать»), инициирования действия («трудно начать», «потом», «не сейчас», «хотелось бы, но»), поддержания первоначального намерения («я передумал», «стало не интересно») и преодоления препятствий («я не предполагал, что будет так трудно»). Если составляющие беспомощности (наличие субъективной оценки невозможности самому справиться с задачей, ощущение невозможности контролировать ситуацию и приписывание причин неуспеха себе и своим личным качествам) присутствуют, то состояние беспомощности наступает неминуемо. Человек убеждается, что ситуация, которая не устраивает, не зависит от его усилий изменить ее, а во всех неудачах повинен он сам (его недостаточность, неполноценность), поэтому успех также обусловлен случайным удачным стечением обстоятельств или чьей-то помощью, а не его способностями. Беспомощность часто маскируется состояниями, которые идентифицируются как нечто иное, например как чувство усталости или лени, злости или апатии. Примеры вариантов поведения при беспомощности: псевдоактивность (бессмысленная суетливая деятельность, не ведущая к результатам и не адекватная ситуации с последующим торможением), отказ от деятельности (капитуляция, апатия, потеря интереса), ступор (состояние заторможенности, непонимание происходящего) и перебор стереотипных действий в попытке найти одну, адекватную ситуацию при постоянном напряженном контроле результатов, аутодеструктивное и деструктивное поведение (агрессивное поведение, направленное на себя и (или) окружающих), смещение на псевдоцель (актуализация другой деятельности, которая дает ощущение достижения результата, замещение).

Выученной беспомощности препятствуют: 1) опыт активного преодоления трудностей и соб-

ственного поискового поведения, повышающий сопротивляемость неудачам; 2) способ атрибуции успехов и неудач, уверенность в собственной способности влиять на успехи и неудачи; 3) принятие и понимание себя, умение сохранять уважение к себе и окружающим (человек с чувством собственной неполноценности менее устойчив к формированию выученной беспомощности); 4) оптимизм как доверие жизни, ее философское осмысление. Противоположность беспомощности – поисковая активность. Она имеет тенденцию к саморазвитию, творчество – ее типичный образец. Особенности людей с сильно и слабо развитой поисковой активностью совпадают с особенностями поведения личности с мотивом стремления к успеху и с мотивом избегания неудачи. Важно отметить, что если человек прекращает поисковое поведение, особенно если раньше оно было выражено, то этот «перепад» вызывает «болезни достижения» или «синдром Мартина Идена»: состояние, когда человек долго стремился, наконец, достиг желаемого и остановился, чтобы «почивать на лаврах», однако вместо счастья и комфорта начинаются проблемы и обострение заболеваний [17].

В ряде своих исследований А. Бандура показал, что еще одной причиной нарушений поведения может быть отсутствие веры в эффективность собственных действий. Это открытие называют теорией самоэффективности. А. Бандура различает ожидание эффективности (*efficacy expectation*) и ожидание результатов (*outcome expectation*). Самоэффективность – это не ожидания относительно результатов или последствий своих действий, а уверенность человека в том, что он может осуществить некоторые конкретные действия, тогда как предположения о результате относятся к тому, что он думает о возможных последствиях своей деятельности [13, 14]. Самоэффективность (*self-efficacy*) – оценка собственной способности справиться с определенными конкретными задачами в той или иной конкретной ситуации. Самоэффективность подразумевает способность человека справляться со специфическими и сложными ситуациями и оказывать влияние на эффективность деятельности и функционирования личности в целом. Тот, кто осознал свою самоэффективность, прилагает больше усилий к решению сложных задач, чем тот, кто испытывает сомнения в своих возможностях. Самоэффективность является ожиданием личного мастерства в решении будущих задач, поэтому измеряется до того, как человек начнет выполнять какую-нибудь деятельность. Главный источник развития самоэффективности – пережитый опыт успеха. Сделать все возможное и достичь желаемого – значит почувствовать себя более уверенным. Убеждения зарождаются и укрепляются в процессе активной деятельности, направленной на

решение задач, которые ставит ситуация. Важен и пример других: наблюдение за тем, как действуют в сложных ситуациях окружающие, изменяет суждения наблюдателя о собственных возможностях. При этом социальное убеждение и общественное поощрение наиболее действенно, когда оно сочетается с собственным успешным поведением. В данном случае работает модель реципрокного детерминизма (*reciprocal determinism*): поведение человека есть результат взаимодействия личностных факторов, явлений окружающей среды и действий самого человека. «Так как концепции людей, их поведение и их окружение взаимно детерминированы, индивиды не являются ни беспомощными объектами, контролируемыми силами окружения, ни совершенно свободными существами, которые могут делать все, что им вздумается» [9]. При этом человек может реагировать на удачи и неудачи с агрессией: открытой или скрытой. Распознать в себе симптомы пассивной, латентной агрессии человеку обычно трудно. Часто открытая агрессия является более здоровой формой поведения, поскольку при латентной, пассивной агрессии конфликт загоняется внутрь, человек конфликтует уже не только с другими, но и с самим собой, с основами своего бытия. Это не только разрушает отношения с окружающими, но и вредит собственному здоровью человека. У. Меннингер, анализируя военный опыт, заметил, что многие люди отказываются делать то, что от них ждут, вместо явного протеста прибегая к тактике тихого саботажа, обычно когда нет возможности проявлять агрессию активно (игры с Богом, дипломатические игры, интриги в коллективе, выяснение отношений с близкими людьми, с осужденными и коллегами в режимном учреждении и т. д.) [16]. В большинстве случаев пассивная агрессия используется бессознательно. Чаще всего ее источник – родительский или наставнический гнев по поводу открытого выражения чувств, который проникает в подсознание и проявляется в дальнейшем избегании открытых форм агрессии и пассивном отрицании авторитетов. С пассивной агрессией часто можно столкнуться в конфликтах руководителей и подчиненных, заключенных и сотрудников правоохранительной системы: там, где иерархия отношений жестко закреплена. Важно понимать, что пассивный означает страдающий: тот, кто ее практикует, страдает не меньше тех людей, на которых она направлена, поэтому пассивная агрессия часто приводит к психосоматике и психическим нарушениям: блокируются переживания, человек не способен испытывать довольство жизнью, социальный успех и достигать близости с окружающими, которых страдающий постоянно «пассивно атакует». Важно, чтобы партнеры не принимали пассивную

агрессию на свой счет, открыто реагировали на нее. Нужна работа по исследованию переживаний и обнаружению способов контролировать собственную агрессию, которая высвобождает много энергии, открывая доступ к позитивным переживаниям.

Один из главных признаков пассивной агрессии – ощущение, что после разговора с человеком хочется кричать от бессилия. В ответ на продолжающийся тихий саботаж нужно, помня, что каждый человек имеет право на переживания, не подавлять гнев, а, не доводя до взрыва, сразу честно и открыто, в спокойном тоне выразить мнение. Нужно сформулировать проблему и заявить о ней, а потом предложить удобные для себя способы решения. Важно не поддаваться на провокации: подсознательная цель пассивной агрессии – вывести человека из себя, поэтому нужно указать пассивному агрессору на гнев, который он испытывает (пассивные агрессоры игнорируют именно гнев). Мнение партнера нужно подтвердить конкретным фактом: «Мне кажется, ты злишься на меня сейчас, потому что я попросила тебя сделать то-то». При этом важно принять сопротивление, не спорить и не доказывать, чтобы показать агрессору: консультант относится к его переживаниям уважительно и спокойно, поэтому он может перестать их скрывать.

Активная позиция – это то, чего человек боится: пусть все остается как есть, пока не настанет критическая ситуация, в которой ему придется действовать. Важна неструктурная агрессия как ассертивность – настойчивое невраждебное самозащитное поведение, направленное на достижение совместной цели. Нужно предлагать сотрудничество, констатировать или наказывать негативное проявление и вновь предлагать сотрудничество. Этот механизм служит достижению целей, в том числе целей самореализации.

Таким образом, помимо реформы правоохранительной системы в направлении ее «очеловечивания», преодоления репрессивно-карательных способов отношения государства и общества и их замены на отношения служения и взаимопомощи, восстановления и реабилитации, важно обратить внимание на необходимость психологической подготовки сотрудников правоохранительных структур и оказания им специальной психологической помощи: обучения навыкам работы и выражения активной агрессии и эффективного поведения, а также преобразования и рефлексии процессов десакрализации и латентной агрессии, их последствий в виде выученной психологической беспомощности в работе сотрудников правоохранительной системы с преступниками, пострадавшими, иными гражданами, вовлеченными в процесс. Это позволит преодолеть многочисленные издержки репрессивной системы правосудия изнутри: откорректировать понимание насилия и его роли в разрушении жизни человека, роли нравственных деформаций и искажения смысла правоохранительной деятельности в системе отношений работников правоохранительных органов, а также в их повседневной, в том числе семейной, жизни.

Открытое обсуждение «родовых» последствий буллинга и иных видов преследования подопреваемых, обвиняемых, осужденных и освобожденных, их семей, коллег по работе и т. д. позволит обучающимся и проходящим повышение квалификации сотрудникам изменить стереотипы профессионального взаимодействия в пользу большей конструктивности: для них самих и для тех, кто становится наряду с ними жертвой псевдопенитенциарной, репрессивной системы, формирующей психологическую беспомощность и (само)неэффективность личности.

Библиографический список

1. Адлер А. Наука жить. Киев, 1997. 400 с.
2. Психосинтез: теория и практика / Р. Ассаджиоли и др. ; отв. ред. В. Данченко. М., 1994. 313 с.
3. Гроф С. За пределами мозга. М., 1993. 497 с.
4. Лэйн Р. Д. Расколотое «Я». СПб., 1995.
5. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2001. 478 с.
6. Мей Р. Открытие бытия. М., 2004. 224 с.
7. Меннингер К. Война с самим собой. М., 2001. 480 с.
8. Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. М., 1994. 480 с.
9. Ротенберг В. С., Аршавский В. В. Поисковая активность и адаптация. М., 1984. 220 с.
10. Селигман М. Новая позитивная психология. М., 2006. 368 с.
11. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы М., 1993. 120 с.
12. Циринг Д. А. Психология выученной и личностной беспомощности. М., 2013. 220 с.
13. Bandura A. Social foundations of thought and action. New York, 1986. 544 p.
14. Bandura A. The self system in reciprocal determinism. AP, 1978, № 3, pp. 356–357.

15. Brady J. V. Ulcers in executive monkeys. *Scientific American*, 1958, vol. 199 (4), pp. 95–100. doi:10.1038/scientificamerican1058-95.
16. Freud S. Mourning and melancholia. Standard ed. of the complete psychol. works of S. Freud. Ed. by J. Strachey. L.: Hogarth, 1957. V. 14, pp. 243–258.
17. Plant R. J. W. Menninger. *History of Psychiatry*, 2005, № 2, p. 181.

Литература

1. Адлер, А. Наука жить [Текст] / А. Адлер. – Киев : Port-Royal, 1997. – 400 с.
2. Ассаджиоли, Р. Психосинтез: теория и практика [Текст] / Р. Ассаджиоли и др. ; отв. ред. В. Данченко. – М. : REFL-book, 1994. – 313 с.
3. Гроф, С. За пределами мозга [Текст] / С. Гроф. – М. : ТПИ, 1993. – 497 с.
4. Лэйнг, Р. Д. Расколотое «Я» [Текст] / Р. Д. Лэйнг. – СПб. : Белый Кролик, 1995.
5. Маслоу, А. Мотивация и личность [Текст] / А. Маслоу. – СПб. : Евразия, 2001. – 478 с.
6. Мей, Р. Открытие бытия [Текст] / Р. Мей. – М. : ИОГИ, 2004. – 224 с.
7. Меннингер, К. Война с самим собой [Текст] / К. Меннингер. – М. : Эксмо-Пресс, 2001. – 480 с.
8. Роджерс, К. Р. Взгляд на психотерапию [Текст] / К. Р. Роджерс. – М. : Прогресс, 1994. – 480 с.
9. Ротенберг, В. С. Поисковая активность и адаптация [Текст] / В. С. Ротенберг, В. В. Аршавский. – М. : Наука, 1984. – 220 с.
10. Селигман, М. Новая позитивная психология [Текст] / М. Селигман. – М. : София, 2006. – 368 с.
11. Фрейд, А. Психология Я и защитные механизмы [Текст] / А. Фрейд. – М. : Попурри, 1993. – 120 с.
12. Циринг, Д. А. Психология выученной и личностной беспомощности [Текст] / Д. А. Циринг. – М. : Академия, 2013. – 220 с.
13. Bandura A. Social foundations of thought and action. New York : Prentice Hall, 1986. 544 p.
14. Bandura A. The self system in reciprocal determinism. *AP*, 1978, № 3.
15. Brady J. V. Ulcers in executive monkeys. *Scientific American*, 1958, vol. 199 (4). doi:10.1038/scientificamerican1058-95.
16. Freud, S. Mourning and melancholia. Standard ed. of the complete psychol. works of S. Freud. Ed. by J. Strachey. – L. : Hogarth, 1957.
17. Plant R. J. W. Menninger. *History of Psychiatry*, 2005, no. 2.

References

1. Adler A. *Nauka zhit'* [The science to live]. Kiev, Port-Royal Publ., 1997. 400 p.
2. Assadzholi R. *Psihosintez: teorija i praktika* [Psychosynthesis: theory and practice]. Ed. by V. Danchenko. Moscow, REFL-book Publ., 1994. 313 p.
3. Grof S. *Za predelami mozga* [Outside a brain]. Moscow, TPI Publ., 1993. 497 p.
4. Ljeing R. D. *Raskolotoe «Ja»* [Shattered "I"]. St. Petersburg, Belyj Kroluk Publ., 1995.
5. Maslou A. *Motivacija i lichnost'* [Motivation and personality]. St. Petersburg, Evrazija Publ., 2001. 478 p.
6. Mej R. *Otkrytie bytija* [Life opening]. Moscow, IOGI Publ., 2004. 224 p.
7. Menninger K. *Vojna s samim soboj* [War with yourself]. Moscow, Jeksmo-Press Publ., 2001. 480 p.
8. Rodzhers K. R. *Vzgljad na psihoterapiju* [View of psychotherapy]. Moscow, Progress Publ., 1994. 480 p.
9. Rotenberg V. S., Arshavskij V. V. *Poiskovaja aktivnost' i adaptacija* [Search activity and adaptation]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 220 p.
10. Seligman M. *Novaja pozitivnaja psihologija* [New positive psychology]. Moscow, Sofija Publ., 2006. 368 p.
11. Frejd A. *Psihologija Ja i zashhitnye mehanizmy* [Psychology I and protective mechanisms]. Moscow, Popurri Publ., 1993. 120 p.
12. Ciring D. A. *Psihologija vyuchennoj i lichnostnoj bespomoshhnosti* [Psychology of the learned and personal helplessness]. Moscow, Akademija Publ., 2013. 220 p.
13. Bandura A. Social foundations of thought and action. New York, Prentice Hall, 1986. 544 p.
14. Bandura A. The self system in reciprocal determinism. *AP*, 1978, no. 3.
15. Brady J. V. Ulcers in executive monkeys. *Scientific American*, 1958, vol. 199 (4), doi:10.1038/scientificamerican1058-95.
16. Freud S. Mourning and melancholia. Standard ed. of the complete psychol. works of S. Freud. Ed. by J. Strachey. L., Hogarth, 1957.
17. Plant R. J. W. Menninger. *History of Psychiatry*, 2005, no. 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Арпентьева Мариям Равильевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского, г. Калуга, Российская Федерация, e-mail: mariam_rav@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arpentyeva Mariyam Ravilyevna – dsc in psychology, professor of psychology of development and formation department, Kaluga state university of K. E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russian Federation, e-mail: mariam_rav@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Арпентьева, М. Р. Профессиональное выгорание: десакрализация и латентная агрессия сотрудников правоохранительной системы / М. Р. Арпентьева // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25(1–4), № 4. – С. 669–676.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Arpentyeva M. R. Professional'noe vygoranie: desakralizacija i latentnaja agressija sotrudnikov pravoohranitel'noj sistemy [Professional burning out: desacralization and latent aggression of law-enforcement employees]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* – *Man: crime and punishment*, 2017, vol. 25(1–4), no. 4, pp. 669–676.